

АТАКА ИЗ АТЛАНТИДЫ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕСТЕР
ДЕЛ РЕЙ

Лестер Дель Рей Елена Лав

OCR & spellcheck by HarryFan
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160326

Оригинал: LesterDel Rey, "Helen O'Loу"

*Перевод:
Д. Жукова*

Аннотация

Это – Лестер Дель Рей. Один из классиков «золотой эры» американской научной фантастики. Один из талантливейших «птенцов гнезда кэмпбеллова». Писатель, удостоенный в 1990 году звания «Великий мастер», присуждаемого Ассоциацией американских писателей-фантастов. Автор уникальной «истории американской научной фантастики» – «Мир научной фантастики: 1926 – 1976». Писатель, способный поставить самый увлекательный, самый приключенческий сюжет на службу не только МЫСЛИ, но и ЭТИКЕ.

Хотите окунуться в мир классических дель-реевских рассказов, по иным из которых, собственно, мы и узнали, хотя бы частично, творчество этого автора? Тогда – НЕ ПРОПУСТИТЕ!

Лестер Дель Рей

Елена Лав

Я уже глубокий старик, а все как сейчас вижу и слышу – Дэйв распаковывает ее, оглядывает и говорит, задыхаясь от восхищения:

– Красавица, а?

Она была красива; мечта, а не сплав пластика и металлов. Что-то вроде этого чудилось поэтам-классикам, когда они писали свои сонеты. Если Елена Прекрасная выглядела так, то древние греки, видимо, были жалкими скрягами, раз они спустили на воду ради нее всего лишь тысячу кораблей. Примерно это я и сказал Дэйву.

– Елена Прекрасная? – Он взглянул на ее бирку. – По крайней мере, это название получше того, что здесь написано, – K2Y88. Елена... мммм... Елена Сплав.

– Не очень благозвучно. Слишком много согласных в одном месте. А что ты скажешь насчет Елены Лав?

– Елена Лав. Да, она и есть воплощение любви, Фил.

Таково было первое впечатление от этого сплава красоты, мечты и науки, с добавкой стереоаппаратуры и двигательных механизмов; зато потом голова пошла кругом...

Мы с Дэйвом учились не в одном колледже, но, когда я приехал в Мессину и занялся медицинской практикой, оказалось, что у него на первом этаже моего дома небольшая

мастерская по починке роботов. Мы подружились, а когда я увлекся одной девицей, он нашел, что ее сестра-двойняшка не менее привлекательна, и мы проводили время вчетвером.

Когда наши дела пошли лучше, мы сняли дом поблизости от ракетодрома. Там было шумно, но платили мы дешево – соседство ракет жильцов не устраивало. Нам же нравилось жить просторно. Наверно, со временем мы бы женились на двойняшках, если бы не ссорились с ними. Бывало, Дэйв хочет взглянуть на взлет новой ракеты, направляющейся на Венеру, а его двойняшка желает посмотреть передачу с участием стереозвезды Ларри Эйнсли, и оба упрямо стоят на своем. Мы распрощались с девушками и с тех пор проводили вечера дома.

Но проблемой роботов и их эмоций мы занялись только после того, как наш прежний робот «Лена» посыпала бифштекс ванилью вместо соли. Пока Дэйв разбирал Лену, чтобы найти причину неисправности, мы с ним, естественно, рассуждали о будущем машин. Он был уверен, что в один прекрасный день роботы превзойдут людей, а я сомневался.

– Послушай, Дэйв, – возражал я, – ты же знаешь, что Лена не думает... по-настоящему... При противоречивых сигналах она могла бы исправить ошибку. Но ей все равно; она действует механически. Человек мог бы по ошибке схватить ваниль, но сыпать ее не стал бы. Лена достаточно умна, но у нее нет эмоций, нет самосознания.

– Действительно, это самый большой недостаток нынеш-

них машин. Но мы его устраним, вмонтируем в них кое-какие автоматические эмоции или что-нибудь вроде этого. — Он привинтил Лене голову и включил питание. — Принимайся снова за работу, Лена, сейчас девятнадцать часов.

К тому времени я специализировался на эндокринологии и всем, что связано с ней. Психологом я не был, но разбирался в железах, секрциях, гормонах и прочих мелочах, которые являются физическим источником эмоций. Медицине потребовалось триста лет, чтобы узнать, как и почему они работают, и я не представлял себе людей, которые могли бы создать их искусственные дубликаты за меньшее время.

Ради подтверждения этого я принес домой книги, научные труды, а Дэйв сослался на изобретение катушек памяти и веритоидных глаз. В тот год мы так много занимались наукой, что Дэйв освоил всю эндокринологическую теорию, а я мог бы изготовить новую Лену по памяти. Чем больше мы спорили, тем меньше я сомневался в возможности создания совершенного «homomechanensis».

Бедняжка Лена. Половину времени ее тело, состоявшее из берилловых сплавов, проводило в разобранном состоянии. Сперва мы преуспели лишь в том, что она готовила нам на завтрак жареные щетки и мыла посуду в масле. Потом однажды она приготовила отличный обед из шести блюд, и Дэйв был в восторге.

Он работал всю ночь, меняя ее схему, ставя новые катушки, расширяя ее словарный запас. А на следующий день она

вдруг вскипела и стала энергично ругаться, когда мы ей сказали, что она выполняет свою работу неправильно.

– Это ложь, – кричала она, потрясая щеткой своего пылесоса. – Вы все врете. Если бы вы, такие-растакие, давали бы мне побольше времени для работы, я бы навела порядок в доме.

Когда мы успокоили ее и она снова принялась за работу, Дэйв потянул меня в кабинет.

– С Леной ничего не выйдет, – объяснил он. – Придется удалить эту имитацию надпочечной железы и вернуть ее в нормальное состояние. Но нам надо приобрести робот получше. Машина для домашних работ недостаточно сложна.

– А как насчет новых универсальных моделей Дилларда? Они, кажется, совмещают в себе все и вся.

– Точно. Но и они не годятся. Надо, чтобы нам сделали робот по специальному заказу, с полным набором катушек памяти. И из уважения к нашей старой Лене пусть он будет иметь женский облик.

Таким вот образом и появилась Елена. У Дилларда сделали чудо и придали всем своим ухищрениям девичий облик. Даже лицо, сделанное из пластика и резины, было подвижным и могло выражать эмоции. Ее снабдили слезными железами и вкусовыми бугорками; она была приспособлена для имитации человека во всем – от дыхания до отращивания волос. Счет, который нам прислали вместе с ней, являл собой еще одно чудо; мы с Дэйвом еле наскребли денег; при-

шлось даже пожертвовать Леной и сесть на голодную диету.

К тому времени я уже сделал много сложных операций на живой ткани, и некоторые из них требовали великой находчивости, но я почувствовал себя студентом-медиком, когда мы откинули переднюю панель ее торса и стали вглядываться в переплетения ее «нервов». Дэйв уже подготовил автоматические железы – компактные устройства из радиоламп и проводов, которые гетеродинировали электрические импульсы, возникающие при работе мысли, и изменяли эти импульсы таким же образом, как адреналин влияет на реакцию человеческого ума.

Вместо того чтобы спать, мы всю ночь вглядывались в схему Елены, прослеживали ее мыслительные процессы в лабиринте цепей и вживляли то, что Дэйв назвал «гетеронами». И пока мы работали, в дополнительную катушку памяти с ленты вводились тщательно подготовленные мысли о самосознании, о человеческих чувствах и восприятии жизни. Дэйв считал, что надо предусмотреть все без исключения.

Уже рассвело, когда мы кончили работу, выдохшиеся и взвинченные. Оставалось только оживить Елену, включив электрический ток. Как и все машины Дилларда, она работала не на батареях, а на крошечном атомоторе, который после включения больше не требовал внимания.

Дэйв отказался включать ее.

– Подождем. Давай сперва выспимся и отдохнем, – сказал он. – Мне самому не терпится, как и тебе, но мы немного

поймем такие вот, смертельно усталые. Сворачивайся, оставим пока Елену в покое.

Хотя обоим нам не хотелось откладывать включение, мы понимали, что отдохнуть не мешало бы. Мы все бросили, и не успел аппарат для кондиционирования снизить температуру воздуха до ночной, как мы уже спали. Я проснулся от того, что Дэйв тряс меня за плечи.

– Фил! Очнись!

Я зевнул со стоном, перевернулся и посмотрел на Дэйва.

– Ну?.. О-ох! Что там? Елена уже...

– Нет, это старая миссис ван Стайлер. Она видеофониговала и сказала, что ее сын влюбился до безумия в прислугу. Она хочет, чтобы ты приехал и дал контргормоны. Сейчас они на летнем отдыхе в штате Мэн.

Богатая миссис ван Стайлер! Я не мог позволить себе отказаться от этого вызова после того, как Елена поглотила остаток моих сбережений. Но за такую работу я обычно не брался.

– Контргормоны! На это уйдет полных две недели. К тому же я не из тех светских врачей, которые ковыряются в железах ради того, чтобы делать дураков счастливыми. Я берусь только за серьезные случаи.

– И ты хочешь понаблюдать за Еленой. – Дэйв ухмылялся, но говорил серьезно. – Я сказал миссис ван Стайлер, что это будет стоить ей пятьдесят тысяч!

– Сколько?!

– Она согласилась, только просила поспешить.

Разумеется, выбора у меня не было, хотя я с большим удовольствием свернул бы жирную морщинистую шею миссис ван Стайлер. У нее не было бы никаких неприятностей, если бы она в своем домашнем хозяйстве пользовалась услугами роботов, как все, но богатство вынуждало ее оригинальничать.

* * *

Итак, пока Дэйв дома забавлялся Еленой, я ломал себе голову, каким образом напичкать Арчи ван Стайлера контргормонами, а заодно дать их и горничной. Меня об этом не просили, но бедная девочка была по уши влюблена в Арчи. Дэйв, казалось, мог бы держать меня в курсе дела, но я не получил от него ни строчки.

Только три недели спустя вместо двух, доложив, что Арчи «выздоровел», я принял гонорар. С такими деньгами в кармане я мог позволить себе заказать спецрейс и прибыл ракетой в Мессину через полчаса. До дому было рукой подать.

Войдя в прихожую, я услышал легкий топот ног и голос, полный страсти:

– Дэйв, милый, это ты?

С минуту я не мог произнести ни слова. И снова донесся умоляющий голос:

– Дэйв?

Не знаю, чего я ожидал, но я никак не ожидал, что Елена встретит меня таким образом — она остановилась и пристально смотрела на меня, на лице ее явно было написано разочарование, ручки, прижатые к груди, трепетали.

— О! — воскликнула она. — Я думала, это Дэйв. Теперь он совсем не ест дома, но я все равно жду его к ужину. — Она опустила руки и, сделав над собой усилие, улыбнулась. — Вы Фил, не так ли? Дэйв говорил мне о вас, когда... сперва. Я очень рада, что вы вернулись. Фил.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Елена. — А что еще можно сказать при обмене любезностями с роботом? — Ты что-то сказала насчет ужина?

— О да. Наверно, Дэйв опять поужинает в центре, так что мы с вами можем сесть за стол. Так приятно, когда в доме есть с кем поболтать. Фил. Вы не возражаете, если я буду вас звать просто Филом? Кажется, вы что-то вроде крестного отца мне...

Мы ели. Я не рассчитывал на это, но, видимо, она считала поглощение пищи таким же нормальным явлением, как хождение. Правда, ела она мало, а все больше поглядывала на входную дверь.

Когда мы уже кончали ужинать, пришел Дэйв, хмурый как туча. Елена было встала, но он улизнул наверх, бросив мне через плечо:

— Привет, Фил. Зайди ко мне потом наверх.

С ним было что-то совсем неладное. Мне показалось, что

глаза у него тоскливые, а когда я повернулся к Елене, то увидел ее в слезах. Она всхлипывала и тем не менее принялась поглощать неуместно много пищи.

– Что с ним... и с тобой? – спросил я.

– Он устал от меня.

Она отодвинула тарелку и торопливо добавила:

– Вы лучше поговорите с ним, пока я приберусь. А со мной ничего не случилось. Во всяком случае, я ни в чем не виновата.

Она собрала тарелки и бросилась на кухню; могу поклясться, что она рыдала.

Возможно, весь мыслительный процесс состоит из серий условных рефлексов... но она наверняка была вне себя от этих условностей, когда я уходил. С Леной в пору ее расцвета не происходило ничего подобного. Я пошел наверх к Дэйву, чтобы он помог мне разобраться во всей этой путанице.

* * *

Он доливал водой из сифона стакан с яблочным бренди, и я увидел, что бутылка почти пуста.

– Тебе налить? – спросил он.

Кажется, это была неплохая идея. Над головой раздался рев взлетающей ракеты, и только он один оставался знакомым мне в нашем доме. По провалившимся глазам Дэйва было видно, что за мое отсутствие он осушил не одну бутыл-

ку и не намеревался бросить это занятие. Себе он налил еще раз, но уже достав новую бутылку.

– Это, конечно, не мое дело, Дэйв, но это зелье твоих нервов не укрепит. Какой бес вселился в тебя и Елену? Призраки являются?

Елена ошибалась; он не ужинал в городе... вообще не ел. Он так расслабленно рухнул в кресло, что это говорило не об усталости и нервах, а скорее о голодном истощении.

– Заметно, да?

– Заметно? Вы вот где сидите у меня оба, в горле.

– Гмм... – Он прихлопнул несуществовавшую муху и еще глубже ушел в свое пневматическое кресло. – Наверно, мне не надо было оживлять Елену до твоего возвращения. Но если бы не началась другая стереопередача... Во всяком случае, с нее-то все и началось. А эти твои сентиментальные книжки довели дело до конца.

– Спасибо. Теперь мне все понятно.

– Ты знаешь. Фил, у меня в провинции есть одно место... фруктовая плантация. Отец оставил мне в наследство. Кажется, мне надо присмотреть за ней.

Так вот мы и разговаривали. Но наконец, основательно выпив и основательно попотев, я выкачал из него кое-что, а потом дал ему амитал и уложил в постель. Разыскав Елену, я стал выпытывать у нее остальное, пока не уразумел, в чем дело.

Очевидно, вскоре после моего отъезда Дэйв включил ее

и провел предварительную проверку ее способностей, которые вполне удовлетворили его. У нее была превосходная реакция... настолько хорошая, что он решил оставить ее в покое и взяться за свою обычную работу.

Естественно, что она со всеми ее неиспытанными эмоциями была полна любопытства и хотела, чтобы он остался с ней. Тогда его осенило. Рассказав ей, какие у нее будут обязанности по дому, он усадил ее перед стереовизором, включил какой-то фильм о путешествиях и, заняв ее этим, ушел.

Она досмотрела видовой фильм до конца, а потом станция начала показывать свой серийный фильм с Ларри Эйнсли в главной роли, с тем самым душесипательным красавчиком, из-за которого расстроились наши отношения с двойняшками. Случайно он оказался похожим на Дэйва.

Елена впитывала в себя фильм, как ива воду. Зрелище было превосходной отдушиной для распивавших ее эмоций. Когда оно закончилось, Елена разыскала любовную историю в другой программе и пополнила свое образование. После полудня по стереовизору обычно показывают новости и ведут музыкальные передачи, но тогда она обнаружила мои книги, а я люблю юношеское чтение.

Дэйв вернулся домой в лучшем расположении духа. Уже в прихожей он учуял запах такой пищи, по какой скучал много недель. И он сразу представил себе, какой превосходной домохозяйкой будет Елена.

Так что для него было совершеннейшей неожиданностью,

когда он почувствовал вдруг, как вокруг его шеи обвились две сильные руки, и услышал дрожащий от нежности голос: – О Дэйв, милый, я так скучала по тебе, и я вся трепещу при виде тебя.

Возможно, ее технике обольщения еще недоставало некоторого блеска, зато энтузиазма было хоть отбавляй, и Дэйв почувствовал это, когда пытался уклониться от ее поцелуя. Действовала она быстро и неистово... все-таки в движение Елену приводил атомотор.

* * *

Дэйв не был ханжой, но он не забывал, что она в конце концов всего лишь робот. Для него не имел значения тот факт, что чувства, движения, внешность у нее были как у юной богини. Не без усилий он вывернулся из объятий Елены и потащил ее к столу. Ужиная, он заставил есть и Елену, чтобы этим занятием отвлечь ее внимание.

После того как она выполнила свою вечернюю работу, он позвал ее к себе в кабинет и прочел ей продуманную лекцию о том, как глупо она себя ведет. Видимо, это была неплохая лекция, потому что продолжалась она целых три часа и касалась ее положения в жизни, идиотизма стереофильмов и прочей всякой всячины. Когда он замолк, Елена взглянула на него своими влажными от слез глазами и сказала с тоской: – Я все понимаю, Дэйв, но по-прежнему люблю тебя.

Тогда-то Дэйв и начал пить.

Дело становилось хуже с каждым днем. Если он задерживался в городе, она плакала, когда он возвращался. Если он возвращался вовремя, она носилась с ним как с писаной торбой и липла к нему. Он запирался в своей комнате и слышал, как она внизу ходит из угла в угол и бормочет, а когда он спускался, она с упреком смотрела на него до тех пор, пока он не убежал к себе.

Утром я отослал Елену, придумав ей какое-то поручение, а сам поднял Дэйва. В ее отсутствие я накормил его приличным завтраком и дал тонизирующего для успокоения нервов. Он все еще был вял и угрюм.

– Послушай, Дэйв, – прервал я его размышления. – В конце концов Елена же не человек. Почему бы не выключить ее и не сменить ей несколько катушек памяти? Потом мы сможем убедить ее, что она никогда не была влюблена и что в дальнейшем не имеет на это права.

– Попробуй. Я тоже думал об этом, но она так взвыла, что самого старика Гомера могла бы поднять из могилы. Она говорит, что это убийство... и все такое прочее. Да я и сам не могу отделаться от такого же чувства. Может быть, она и не женщина, но поди отличи ее, когда она с мученическим видом говорит тебе: давай убивай.

– Но мы же не вставляли в нее замену тех секретий, которые наличествуют в человеке в период любви.

– Я не знаю, что мы там вставляли. Может, в гетеронах

произошла обратная вспышка или какое-нибудь замыкание. Во всяком случае, эта мысль так втемяшилась ей в голову, что нам придется сменить весь набор катушек.

– За чем же дело?

– Действуй. Ты же наш домашний врач. Я не привык возиться с эмоциями. По правде говоря, из-за ее поведения я возненавидел всякую работу с роботами. Мое дело прогорает.

Увидев, что Елена возвращается, он выскочил через черный ход и сел в монорельсовый экспресс. Я собирался уложить его в постель, но потом раздумал. Может быть, в мастерской ему будет лучше, чем дома.

– Дэйв ушел?

У Елены сразу же появился мученический вид.

– Да. Я заставил его поест, и он поехал на работу.

– Я рада, что он поел.

Она упала на стул, будто в изнеможении, хотя до меня не доходит, как это машина может устать.

– Фил!

– Да, в чем дело?

– Вы думаете, ему со мной плохо? Я хочу сказать, вы думаете, он был бы счастливее, если бы меня не было здесь?

– Он с ума сойдет, если ты будешь продолжать вести себя с ним таким образом.

Елена вздрогнула. Она так умоляюще стиснула свои маленькие ручки, что я почувствовал себя бесчеловечным зве-

рем. Но я опомнился и продолжал:

– Даже если я отключу источник энергии и переменю твои катушки, ты, наверно, все равно будешь преследовать его.

– Я все понимаю. Но ничего не могу поделать с собой. Я была бы ему хорошей женой, я в самом деле справилась бы, Фил.

У меня перехватило дыхание; дело зашло чуть-чуть дальше, чем следовало бы.

– И родила бы ему здоровых сыновей, наверно? Мужчине нужны плоть и кровь, а не металл и резина.

– Перестаньте, умоляю! Такое о себе мне и в голову не приходит. По моим представлениям, я женщина. И вы знаете, насколько совершенно я могу имитировать настоящую женщину... во всех отношениях. Я не могу родить ему сыновей, но во всех других отношениях... Я буду очень стараться. Я уверена, что буду ему хорошей женой.

Я сдался.

Дэйв не вернулся домой ни в тот вечер, ни в следующий. Елена суежилась и волновалась, умоляя меня обзвонить больницы и полицейские участки, но я знал, что с ним ничего не случилось. Он всегда носил с собой удостоверение личности. И все же, когда он не явился и на третий день, я стал беспокоиться. А когда Елена решила сходить к нему в мастерскую, я согласился пойти с ней.

Мы застали там Дэйва с еще одним человеком, которого я не знал. Я выбрал для Елены стоянку таким образом, чтобы

Дэйв не мог увидеть ее, а она могла его слышать, и вошел, как только незнакомец покинул мастерскую.

Дэйв выглядел немного лучше и вроде бы обрадовался мне.

– Привет, Фил. Как раз собирался закрыть мастерскую. Пойдем поедим.

Елена не вынесла и присоединилась к нам.

– Пошли домой, Дэйв. У меня жареная утка со специями. Ты же любишь такую.

– Сгинь! – сказал Дэйв. Она отпрянула и повернулась, чтобы уйти. Ладно, оставайся. Тебе это тоже полезно послушать. Я продал мастерскую. Человек, которого вы только что видели, купил ее. Я уезжаю на свою фруктовую плантацию, о которой говорил тебе. Фил. Я сыт машинами по горло.

– Ты там умрешь с голоду, – сказал я ему.

– Нет, спрос на старинные фрукты, растущие на воле, все увеличивается. Народу надоели все эти гидропонные штучки. Отец всегда неплохо зарабатывал на фруктах. Я сейчас же пойду домой, соберусь и уеду.

Елена гнула свою линию.

– Я соберу твои вещи, Дэйв, пока ты будешь есть. На десерт у меня яблочный пирог.

Земля разверзлась под ее ногами, но она не забыла, что он обожает яблочные пироги.

Елена готовила хорошо, если не сказать – гениально. Это было сочетание всего лучшего, взятого от женщины и маши-

ны. Мы сели за стол, и Дэйв съел довольно много. К концу ужина он оттаял настолько, что похвалил утку и пирог и поблагодарил Елену за помощь при сборах. Он даже разрешил ей поцеловать его на прощанье, хотя решительно не позволил проводить до ракеты.

Елена пыталась вести себя мужественно, когда я вернулся, и мы, запинаясь, поговорили немного о слугах миссис ван Стайлер. Но мы быстро выдохлись, и Елена все остальное время просидела у окна, уставившись в него невидящим взором. Даже стереокомедия не заинтересовала ее, и я вздохнул с облегчением, когда она ушла в свою комнату. Она могла понижать подачу питания, когда хотела симулировать сон.

Со временем я начал понимать, почему она отказывается считать себя роботом. Я и сам стал думать о ней как о девушке. С ней было хорошо проводить время. Не считая тех редких перерывов, когда она уединялась для переживаний или сидела у телескрипта в ожидании письма, которое так и не пришло, не нашлось бы никого, с кем было бы так приятно жить под одной крышей. В доме стало так уютно, как никогда не было при Лене.

Я взял с собой Елену в Гудзон, чтобы походить по магазинам, где она хихикала и мурлыкала, перебирая шелка и побрякушки, бывшие тогда в моде, примеряла бесконечные шляпки и вела себя как любая нормальная девушка. Однажды мы с ней отправились ловить форель, и она доказала, что в ней есть спортивная жилка и что она способна сосре-

доточиваться по-мужски. Я наслаждался ее обществом и думал, что она забывает Дэйва. Так было до тех пор, пока однажды я не заявился домой неожиданно и не застал ее, скорчившуюся на диване, сучившую ногами, истерически рыдающую.

Тогда-то я и заказал разговор с Дэйвом. Его никак не могли найти, и Елена стояла рядом со мной, пока я ждал, что он откликнется на вызов. Она была нервозна и суетлива, как старая дева, пытающаяся заполучить муженька. Но наконец Дэйва нашли.

– Что случилось. Фил? – спросил он, когда его лицо появилось на экране. – Я как раз собирал вещи, чтобы...

Я перебил его:

– Такое положение вещей больше продолжаться не может, Дэйв. Я решился. Я сегодня же вечером повыдергаю из Елены все катушки. Уж лучше так, чем видеть, что с ней происходит.

Елена протянула руку и коснулась моего плеча.

– Быть может, это лучший выход, Фил. Я понимаю вас.

Голос Дэйва стал прерывистым.

– Фил, ты сам не понимаешь, что говоришь!

– Прекрасно понимаю. К тому времени, когда ты доберешься сюда, все будет кончено. Ты же слышал, она согласна.

Дэйв стал мрачнее черной тучи.

– Я не хочу этого, Фил. Она наполовину моя, и я запрещаю!

– Ты самый...

– Давай называй меня чем угодно... Я передумал. Я собирал чемоданы, чтобы вернуться домой, когда ты меня вызвал.

Елена суежилась возле меня, ее сияющие глаза были устремлены на экран.

– Дэйв, ты хочешь... ты...

– Я только что пришел в себя и сообразил, каким же я был дураком, Елена. Фил, я буду дома часа через два, и если что-нибудь...

Ему не пришлось просить меня выйти вон. Но, еще не успев захлопнуть за собой дверь, я услышал, как Елена что-то мурлычет относительно того, что быть женой плантатора – предел ее желаний.

Они ошибались, думая, что это будет для меня неожиданностью. Кажется, я догадывался, что произойдет, когда вызывал Дэйва. Если мужчине не нравится девушка, он никогда не поступает так, как вел себя до сих пор Дэйв; так ведут себя, когда думают, что девушка не нравится... ошибочно думают.

Ни из одной женщины не получалось более милой невесты и приятной жены. Елена не остыла в своем рвении хорошо готовить и держать дом в порядке. Когда она уехала, наше старое жилище, казалось, опустело, и я стал навещать плантацию раз, а то и два в неделю. Временами, наверно, у них были свои тревоги, но я никогда не замечал этого, и я

знаю, что соседи никогда не подозревали ничего, считая их нормальными мужем и женой.

Дэйв старел, а Елена, разумеется, нет. Но, говоря между нами, мы с ней покрывали ее лицо морщинами и меняли ее волосы на седые, чтобы Дэйв не догадался, что она не стареет вместе с ним – мне кажется, он забыл, что она не человек.

В сущности, я и сам забыл. И, только получив сегодня утром письмо от Елены, я вернулся к действительности. Почерк у нее красивый, и только местами у нее дрожала рука. В письме сообщалось о том неизбежном, что не предусмотрели ни Дэйв, ни я.

«Дорогой Фил!

Как вы знаете, Дэйв уже несколько лет страдал сердечной болезнью. Мы думали, что он выживет, но, видно, нашим надеждам не суждено было сбыться. Он умер у меня на руках перед самым рассветом. Он просил передать вам свой прощальный привет.

Я прошу вас, Фил, о последней милости. Для меня остается одно после того, как все будет кончено. Кислота разъедает металл так же, как она разъедает плоть, и я умру вместе с Дэйвом. Пожалуйста, присмотрите, чтобы нас похоронили вместе и чтобы гробовщики не открыли моего секрета. Дэйв тоже этого хотел.

Бедный, мой милый Фил! Я знаю, что вы любили Дэйва как брата и что вы сочувствуете мне. Пожалуйста, не слишком горюйте о нас, потому что мы прожили

с ним счастливую жизнь и оба считали, что должны перейти этот предел рука об руку.

С любовью и благодарностью – Елена».

Рано или поздно это должно было произойти. Я немного оправился от потрясения, нанесенного мне письмом. Через несколько минут я уезжаю, чтобы выполнить последние пожелания Елены.

Дэйв был счастливцем и моим лучшим другом. А Елена... Ну, как вы уже знаете, я глубокий старик и могу смотреть на вещи более трезво. Я мог бы жениться, создать семью, наверно, Но... на свете была только одна Елена Лав.